

Судьба всегда дает шанс!
Не верите? Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Галерея «Максим»
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Фантомная боль

Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Банкротство мнимых ценностей
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Синдром Атяшево
Нелепая привычка жить
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Маленькие люди
Римские каникулы
Будем как боги
Человек за шкафом
Зеленая тетрадь
Прости

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Дилогия «Страх»

И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Дилогия «Ловушка»

Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

ОЛЕГ РОЙ

ПРОСТИ

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии *Валерия Горюнова*
Дизайн переплета *Владислава Воронина*

Рой, Олег.
Р65 Прости / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с.

ISBN 978-5-04-164209-9

Когда-то у Олеси было все: музыка, блестящее будущее, любовь. Счастье. И в один миг жизнь закончилась. Как у Блока: «Винновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет в тяжелых, нежных наших лапах?» Остались лишь сны. И страх.

Но у судьбы свои резоны и желания. Можно закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы не видеть и не слышать ее знаков, судьба все повернет по-своему: превратит потери в обретения, а беспомощность сделает силой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Резепкин О., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164209-9

*Tis the last rose of summer,
Left blooming alone;
All her lovely companions
Are faded and gone;
No flower of her kindred...*

(Последняя роза беспечного лета
Цветет одиноко, одна она где-то;
Все розы в округе уснули, увяли,
Их листья ветра, непогоды умчали...

Томас Мур. Последняя роза лета
(Перевод Олега Роя)

ПРОЛОГ

Если бы здесь существовало эхо, то, закрыв глаза, можно было бы представить, что звучит целый оркестр. Но для строителей концертных залов звук — объект поклонения, почти преклонения, а эхо — злейший враг. И сейчас можно было разве что угадывать: квартет звучит или все-таки трио?

Двойные, тройные — стремительные, мощные...

Квартет? Да неужели?

Ты одна на этой сцене. Так написал Эрнст. Смешная фамилия. Как будто имя. Имя, которое знает каждый музыкант. Последняя роза лета. Только глупцы думают, что последняя роза лета — про увядание, про бегство, про смерть. Последняя роза лета — про жизнь. Про ее неудержимость, про взлет, про высокое, высокое небо, к которому надо подняться. Надо, потому что ты — живешь!

И невесомая тяжесть в твоих руках — живет. Дышит. Поет.

Олег РОЙ

Помнишь? Из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил, из какой-то там фантазии, которой он служил...

Ты здесь, чтобы заставить ее петь. Нет-нет, так не то что говорить, так даже думать нельзя. Не заставить — слиться с ней, подарить ей свои руки, свое дыхание, свою душу.

Ты рождена для этого.

А она, невесомая тяжесть в твоих руках, рождена, чтобы петь.

Струны кажутся раскаленными, но никто, никто не должен почувствовать, как тебе трудно. Нет, звуки рождаются под смычком сами, сами — и летят, летят все выше, и зовут — к жизни, к победе, к солнцу!

Тебе даже глаза открывать не нужно, чтобы почувствовать — щеки мокры от слез. Когда летишь вместе с музыкой, когда становишься ею — это такое невыносимо острое, почти невыносимое счастье, что оно превращается в спазм, в стон, в слезы.

Случайно ли рифмуются «слезы» и «роза»?

Последняя роза лета...

ГЛАВА 1

— То... ся... — слабый хрип — с.. сти... — в голосе деда, едва слышном, больше похожем на шелест ветра в голых осенних кустах, чем на человеческий голос, слышался не столько вопрос, сколько упрямая, безнадежная надежда. Так ребенок, старательно трущий слипающиеся глаза, ждет Деда Мороза: может, в этот раз все-таки получится? И все-таки соскальзывает в сон. И найденный поутру под елкой (или под подушкой, неважно) подарок немного горчит: опять не сумел дожждаться и увидеть!

В горле запершило. Нет, какие там слезы, что вы, просто воздух тут слишком сухой. И свет неприятный, мертво-холодный, превращающий лицо на подушке в желтую пергаментную маску, безжалостно подчеркивающий и пигментные пятна, и темные выступающие вены на крупной руке поверх больничного одеяла. Руке, не гнушавшейся никакой работы. Такой надежной, всегда готовой подхватить. И на скользкой лесной тропинке, и в ледяной воде (они долго сушились в маленькой сторожке и никому не рассказали, что лодка перевернулась, нечего родителей волновать, незачем, у маленького Саши тогда даже насморка не случилось). И на продуваемой всеми ветрами (настоящими сибирскими!) смотровой

Олег РОЙ

площадке Братской ГЭС, где у Александра от огромности увиденного (дед усмехался «это мы построили») закружилась голова, он вцепился в поручни так, что пальцы побелели, а дед накрыл его ручонку своей. И стало спокойно и не страшно. Его руки остались прежними. Вот только пигментные пятна да вены выступили.

И Александр накрыл эту тяжелую, усталую ладонь своей. В которой, пожалуй, ничего не осталось от той, маленькой, в цыпках и обгрызенных заусенцах. Вот заусенцы он по-прежнему грызет, Кира когда-то очень на него за это ругалась. Неприлично, дескать.

— Тося... — снова прошелестел бесплотный, почти незнакомый голос. — Найди... Я давно... Думал, забыл... — Даже недолгая попытка разговора деда сильно утомила, теперь он не только запинаясь, но и глаза прикрыл, словно сил не было держать потяжелевшие веки. — Бумаги на даче... Тетрадка... Тося... Найди ее...

— Найду, дед, ты только выздоравливай. Слушайся врачей, спи больше, тебе отдыхать нужно. Я все сделаю, не беспокойся.

Выздоровливай! В собственном голосе Александр услышал ту же безнадежную упрямую надежду. Деду не то что говорить, дышать было, кажется, тяжело.

Белая дверь приоткрылась. Белый халатик сидел на ладной фигурке, как в модном ателье пошитый, но яркие темные глаза из-под шапочки и тщательно прорисованных бровей глядели строго. И губы, четко очерченные неброского цвета помадой, поджались: мол, довольно сидеть.

Погладив еще раз безжизненную ладонь на одеяле, Александр вышел.

Прости

— Как он? — и сам понимал, что вопрос надо лечащему врачу задавать, а не этой хорошенькой вертихвостке, но спросил, все в той же безнадежной детской надежде.

Вертихвостка улыбнулась — совсем не ослепительно, а наоборот, устало и даже печально. И личико ее вдруг стало простым, человеческим.

— Мы делаем все, что можем. И Геннадий Ефимович — очень хороший врач... — она вдруг замолчала.

— Но?

— Простите?

— В вашей речи отчетливо прозвучало произнесенное «но», — расшифровал он свой вопрос. — Вы про возраст?

— Не только, — девушка вздохнула. — Сердце в плохом состоянии. Впрочем, действительно, возраст. Бывает и у девятилетних сердце лучше, чем у молодых, но это скорее исключение.

— А дед... Может, операция нужна? — Про операцию он Геннадия Ефимовича спрашивал. И он спрашивал, и отец, и девчонку эту нечего пытаться, ничего нового она не скажет. Никакие шунтирования и что там еще с сердцами делают, деду не помогут. Его сердце просто устало.

— Поддерживающая терапия...

— Да-да, — перебил Александр. — О терапии нам уже Геннадий Ефимович все рассказал. Просто... — он принялся шарить по карманам, казня себя за то, что, торопясь сюда, не стал искать банкомат, а теперь вот сколько там налички с собой? Крохи.

Олег РОЙ

— Вы что?! — В красивых глазах читался чуть не ужас. — Знаете, как за это наказывают? И выговор, и на факультет сообщат, и уволить...

— Вы учитесь? — зачем-то спросил он, вычленив из испуганного журчания «факультет».

— У нас многие учатся, — улыбнулась медсестричка уже спокойно.

Александр же вдруг заметил и красноту в ярко подведенных глазах, и то, как девчонка поводила плечами, как будто носила что-то тяжелое или долго стояла в неудобной позе. Вертихвостка? Вот так подумаешь сгоряча, а после стыдно, словно мысли твои подслушать могли. Или подсмотреть. В углу под потолком поблескивала камера наблюдения. А он деньги совать собрался. Надо будет как-нибудь потом что-нибудь, не коробку конфет, это глупо, но он придумает. И, может, не ей персонально, а просто, как это называется, в дежурку, для персонала, фруктов каких-нибудь, кофе хорошего. Просто по-человечески, из благодарности.

Эта больница совсем не похожа была на те, что показывали в сериалах. Здесь было чисто и... пусто. Никто не бегал по коридорам с дефибрилляторами и стопками бумаг наперевес, никто не кричал «синий код», все, кого Александр видел, выглядели... деловитыми. Некоторые — озабоченными, другие — задумчивыми. Усталыми. Не героями. Никто не рвался на подвиги, каждый просто... делал свое дело.

— Простите, что от работы отвлек.

— Ничего, я понимаю. Не беспокойтесь, я присмотрю за дедушкой вашим и по смене передам. Хотя у нас все и так...

Прости

— Спасибо, — он даже улыбнуться сумел.

Только закурить вдруг страшно захотелось. Бросил больше года назад, а сейчас вдруг захотелось этой горечи. Чтоб унять, заглушить другую горечь, внутри. «У нас все и так», — сказала медсестричка, а за словами слышалось «но мы не всесильны».

С темного неба сыпались, взблескивая в фонарном свете, мелкие колючие снежинки. Табачный дым (магазинчик нашелся буквально за углом у больницы) смешивался с паром от дыхания, не отличить. Только горький.

Значит, Тося. На миг стало обидно за бабушку. Ее хоронили пять лет назад, зацветала вишня, и похоронный автобус, черный, блестящий, очень чистый, но тем не менее неумовимо потусторонний, казался среди нежной зелени и цветов удивительно неправильным. Неуместным. Дед не плакал. Но он никогда не плакал, это было нормально.

Но сейчас... Не бабушку Таню он вспоминал под безжалостным светом больничных ламп, а какую-то неведомую Тосю. Просил то ли «отпусти», то ли «спасти». Лишь потом уже совершенно отчетливо прозвучало «найди». Это было... неправильно. Почти дико. И в то же время... Александр же не знает, что их связывало. И если эта неизвестная женщина придаст деду сил и желания жить — значит, надо хвататься за этот шанс. Зыбкий, конечно. История полувековой, если не больше, давности. Сейчас этой Тосе сколько? Семьдесят? Больше? Деду восемьдесят. Да и жива ли? Так, стоп. Будем надеяться, что жива. Нужно просто ее отыскать. Вопрос — как?

Браузер в смартфоне предложил немало вариантов: и телепередачу, и сайты отыскивающих военные захоро-

нения волонтеров, и соцсети. А также сайты знакомств, частных детективов и прочие бесплатные службы.

Денег, равно как и свободного времени для самостоятельных поисков, имелось, мягко говоря, немного. Ладно, это примем как данность. Пропущенный день или даже два — не разорение. Уволят, другое место найдем, машина своя, так что ничего непоправимого не случится. Сейчас главное — дед. И для начала — план действий. Бизнес-план, мысленно усмехнулся он. Ну да, бывших бизнесменов не бывает, это не статус, а образ мышления.

Итак. Сперва — поиски на даче. Что там за бумаги, что за тетрадка. Параллельно — более подробный поиск в интернете, методы, способы, инструменты для этого самого «найти человека». Нет, это не параллельно, это после. Бумаги (или тетрадка) — это информация, от которой можно будет уже оттапливаться. Раньше — бессмысленно. Женщина, которую полвека (или даже больше) назад называли Тосей, — это вам не иголка в стоге сена. К стогу можно и магнит поднести, и в воду сено сбросить (иголка потонет), да хоть руками по соломинке перебрать. Это если есть стог, а в нем иголка. А тут в качестве стога — вся Земля. Могла неведомая Тося за полвека оказаться, например, в Бразилии? Не то чтобы с легкостью, но да, вполне. И никаких магнитов, ребята. Иголка от соломы отличается тем, что она железная. А тут — человек среди людей.

Ох, только бы жива еще была!

И, может, никакого урона памяти бабушки Тани в странной дедушкиной настойчивости нет. Может, Тося эта — его подруга детства, с которой они в деревенском пруду плескались. Или, к примеру, медсестра, которая его от обморожения на строительстве Братской

Прости

ГЭС спасала. Или однокурсница, у которой он конспекты переписывал. Хотя, конечно, вспоминать такие вот... контакты, когда ты стоишь на грани, — нет, вряд ли. Вот медсестра, которая вытащила из-под огня, — да, таких ищут. Но дед в Отечественную был немногим старше младенца, в других тоже не участвовал, так что героическая санитарка отпадает.

Пробки уже рассосались, и за мыслями Александр сам не заметил, как оказался на месте. Воистину, автоматизм иногда лучше соображалки, руки-ноги сами знают, как рулить, где газовать, а где наоборот. А ведь сезон-то, самый день жестянщика.

И калитка примерзла. Смазывал он ее петли в октябре, когда привозил маму за последними «дарами природы». Отец почему-то не мог, пришлось Александру извозчиком поработать. «Даров» с дачи (обычного деревенского дома, если приглядеться, в дальнем конце улицы пару огоньков разглядеть можно, деревня не во все безлюдная) собиралось изрядно. Не картошка, конечно, ту проще купить, а вот перцы-вишни-помидоры и прочий чеснок — это да. Малину и калину мама замораживала (и при простуде хорошо, и так, для души, весело), из вишни делала вкуснейшую наливку, овощи закатывала в бесчисленные баночки. На каждой — аккуратная надпись: дата и что-нибудь из серии «Лечо, бабушкин рецепт» или «Баклажаны по-сицилийски, рецепт Гали». Александр никакой Гали (или, может, тети Гали?) не помнил, да и не вникал. Природу он признавал лишь в диком виде (дедова школа!), к садово-огородным же работам, от тюльпанов с пионами до тыкв с баклажанами, относился более чем равнодушно. Маме нравится? Вот и ладно.

Кира же и вовсе на передаваемые от свекрови банки с соленьями-вареньями презрительно морщилась, предпочитая закупаться в «Азбуке вкуса» или хотя бы (это уж когда бизнес «поплыл») в «Ашане».

Может, и напрасно он сюда так редко наезжает? Ведь не только ж тут садово-огородные радости. Вот она, природа, вполне дикая. Ветер свищет, вьюга злится, волки воют, елки скрипят, а мы в домике, нас не достанут! Волков тут, положим, не водится, а вот дом хорош. Вполне крепкий, ниоткуда не поддувает, и печку когда-то мастер клал — вон как принялась. Ну и электричество, так что не вовсе дикость, а как раз компромисс между глушью и цивилизацией.

Сеть, правда, слабая, но есть: вон, кто-то дозвонился. Отец.

— Нет, пап, у деда пока все по-прежнему. Да я понимаю, что ты в курсе, но... Вы завтра к нему заедете? Нет, я завтра не смогу... — Отцовский голос был едва слышен, как будто не по телефону они говорили, а через поле перекрикивались, Александр отвечал почти по наитию, скорее на угаданные, чем на расслышанные слова. — Прости, тут связь плохая, я не в городе... Ну ты же знаешь, какая у меня сейчас работа... Маму там от меня поцелуй.

Рассказывать отцу про дедушкину просьбу он не стал. Отчасти впрямь из-за того, что слышимость была очень так себе, но больше из странной внутренней убежденности: Тося — это тайна. А чужие тайны грех раскрывать всем подряд. Может, потом и придется. А может, и нет.

Пар из носика старенького электрического чайника нарисовал на стекле туманное облачко, из которого понизу уже потянулись первые капельки. Александр задернул занавесочку, которую, как и остальные в этом доме,

Прости

шила еще бабушка Таня. И половички, которые она плела из старых пальто, лыжных штанов и тому подобных тряпок. Неказистые, но ведь ходить-то тепло! Правда, и дом понемногу прогревается. Но занавесочки, половички, салфеточки на полках старого буфета, смешная тряпочная куколка на ручке навесного шкафчика... Новый кухонный гарнитур — это отлично, но разве можно старую мебель выбрасывать? Для дачи в самый раз. Ага, вон и жестянка, а в ней еще и чай остался, красота. Он бы и пустой кипяток попил, все веселее, но чай — совсем другой коленкор. Эх, на съезде к деревне надо было в тот магазинчик завернуть, еды хоть какой прихватить, но увы, не сообразил, да, может, магазинчик-то и закрыт был уже. Может, мама что из «даров» забыла?

Маминых закаток не нашлось, но в соседнем шкафчике обнаружились ободранная, словно ее кошки терзали, пачка рафинада, точнее треть пачки. А за ней какой-то бесформенный кулек. Внутри жили пряники. Собственно, уже почти и не жили. Запах сохранился, но облитые бело-коричневой глазурью кругляшки больше походили на камни, чем на человеческую пищу. Привет археологам будущих времен! Только, знаете, товарищи, обойдетесь вы без этих пряников, они хоть и окаменелые, но с горячим чаем вполне съедобны.

От горячего и от теплой тяжести в животе тут же заклоныло в сон, но Александр, помотав головой и потеряв уши, двинулся в кладовку. За дощатой дверью пахло сыростью, нафталином и апельсиновыми корками, которые мама считала лучшим средством от моли. Казалось, запах клубится вокруг слабой лампочки, как освободившийся из разбитого кувшина джинн.

Подходящих кувшинов тут не имелось, только самовар, чуть ли не дореволюционный, лаково блестящий ра-

диоприемник с желтым матерчатым репродуктором и, вовсе неожиданно, два колеса, судя по всему, от первых дедовых «Жигулей».

Здоровенный, тоже лаково блестящий шифоньер явил взору завалы тряпья: куртки, свитера, шапки, шарфы, сбоку торчали брезентовые штаны в белых пятнах, две полки покосились под тяжестью набитого в них шмотья. Почему мама все это не повыбрасывала? Намеревалась по бабушкиному примеру плести коврики? Как бы там ни было, вряд ли дед закопал неведомые «бумаги» в это барахло.

Взгроможденный на шкаф чемодан выглядел куда перспективнее. Старый, обтянутый дерматином, с поцарапанными, но блестящими металлическими уголками. Уже стаскивая чемодан вниз, Александр понял, что бумаг нет и в нем, слишком легкий. Но выпуклые колечки сдвинул, язычки замков звонко щелкнули, крышка откинулась как бы сама собой, словно содержимое стремилось выбраться наружу. Содержимого было много. Все маленькое, как будто кукольное. И пахло из чемодана вроде бы и не нафталином, а чем-то сладковатым и теплым. Детством, наверное. Мама хранила для будущих внуков? Но какие там внуки, когда Кира...

Так, стоп. Вот о Кире — не надо. Забудь.

Удивительно, но он ведь помнил большинство этих вещей. Вельветовый полукомбинезончик, синий мягкий костюмчик с улыбающейся львиной мордой на животе, шорты с корабликами на карманах, синяя футболка с пестрыми рыбами... Ванька — тогда ты еще не знал, что он Ванька — почему-то принялся из-за этих рыб дразниться, они даже подрались, пока воспитательница не развела их по разным углам. И подружились как-то незаметно.

Прости

И разошлись так же незаметно. Жизнь...

Цифры на экране смартфона сообщали, что уже почти полночь, но Александр, мотнув головой, словно отгоняя неуверенность, отыскал в памяти аппарата номер «Джонни» (это они в институтские времена так изгалялись: Санчо, Джонни и тому подобное) и быстро-быстро набрал сообщение: «Привет! Не хочешь ли как-нибудь пересечься?»

За те годы, что они не виделись (и даже не перезванивались, ох, Кира, Кира), Иван мог тысячу раз сменить телефонный номер, мог вообще уехать на другую сторону земного шарика. Да и спят многие люди в такое-то время.

Но ответ пришел почти сразу, словно и не было этих лет молчания: «Привет, пропащий. Заходи в гости, с сыном познакомлю». Не задумываясь — еще не хватало в философию ударяться! — он быстро набрал: «Завтра и найду, коль не шутишь».

Странный этот диалог через годы как будто отнял последние силы. В доме была еще одна кладовка, но — завтра. Поворошил угли — вроде нормально, можно уже — задвинул выюшку, подумав, немного все же приоткрыл, лучше замерзнуть, чем угореть, навалил на себя два ватных одеяла и едва успел подумать, что накрывающий его сон такой же тяжелый, как эти одеяла...

Глава 2

Тучи лежали низко, как тяжелые ватные одеяла...

— И чего сидим? Книжки будем принимать или принца ждем? — Валера картинно прислонился к дверному косяку. При тощей его комплекции и чрезмерной

подвижности, практически вертлявости, смотрелась сия картинность смешно.

Но Олесе было не до смеха. Валера, едва появившись на этом маршруте, принялся ее охмурять, пользуясь классическим рецептом: заставьте девушку смеяться, и затащить ее в постель будет делом недолгого времени. Легко, решил Валера и принялся засыпать симпатичную библиотекаршу ворохом надерганных из интернета шуточек. В постель та почему-то не падала, даже в бар пойти отказывалась, и, обидевшись, как его, такого обаятельного, не ценят, Валера перешел к открытому хамству. Слова Олеся могла и мимо ушей пропустить, библиотека хоть и очаг культуры, посетители тут бывают всякие, привыкла. Хуже, что таскать коробки с книгами теперь приходилось самостоятельно. И напарница Ася, как назло, со вчерашнего дня в отпуске.

Распахнутая дверь была подперта деревянным чурбачком, и в библиотеку тянуло холодной сыростью. Ноябрь, самое темное, самое тоскливое время года. Ночью посыпал было снег, но сейчас он уже превратился в хлюпающую под ногами прохожих жадную жирную грязь.

От Валеры пахло бензином, какой-то сладковатой туалетной водой и вчерашним пивом. А может, и не пивом, кто знает, чем он после смены расслабляется.

— Примите и распишитесь, — ухмыляясь, он выгрузил несколько коробок прямо на крыльцо, выложив сверху накладную. — Готово? Ну прощайте, не стану докучать. Вы ж у нас барышня нежная, с простым шофером вам запахло беседы беседовать.

Дно нижней коробки на сыром крыльце моментально начало подмокать, еще немного, и внутрь доберет-

Прости

ся, надо быстрее все это втащить. Идти за помощью к «взрослым» тоже не хотелось, подколок не оберешься. У шумной Риты, отвечавшей за комплектование фондов обоих отделов, проблем с Валерой не было. Как-то у нее получалось: и к телу не допустить, и не оттолкнуть. В ее-то хранилище коробки доставлялись до самых полок. И если Валера и пытался обнять или по выпуклым частям похлопать, Рита умела как-то обратить все в шутку. И беспомощность Олеси ее веселила.

Сперва перетащить все коробки через порог и закрыть дверь. Даже запереть, с утра в детский отдел никто не явится, все в школах, а если вдруг — пусть через взрослых идут. Пусть библиотечные «апартаменты» и невелики, не то что у «взрослых»: абонемент, хранилище и бывший читальный зал, ныне чаще всего используемый для мероприятий, но нельзя же таящиеся под невзрачным картоном сокровища без присмотра оставить!

Вот, не такая уж я и беспомощная. Присев на последнюю коробку, Олеся принялась массировать занывшую руку. Ничего, зато никому ничем не обязана, а впереди — самое приятное.

Распаковывать книжные коробки — это даже радостнее, чем новогодние подарки открывать. Во-первых, коробок больше, во-вторых, привозят их куда чаще, чем раз в год. И хотя книжные списки известны заранее, но разрезать упаковочную ленту и увидеть содержимое живую — это чистый, незамутненный восторг, прямо как в детстве. Даже лучше, в ее детстве таких книжек не было. Вот таких, которые она оставляла «на сладкое»: с раскрывающимися окошками, с очками для просмотра трехмерных картинок, с выпрыгивающими из твердых страниц волшебными замками и диковинными живот-

ными. Да, эти — для самых маленьких, но разве Олеся не имеет права на личные пристрастия?

И ничего, что весь день теперь придется бегать из абонементов в хранилище и обратно: и свежее поступление обработать надо, и читателей обслужить. Не так их и много, несмотря на все спускаемые сверху директивы, но надо стараться. И фонд обновлять, и расстановку на стеллажах. Хотя вот этот, у самого входа, менять жалко. Пусть его содержимое и так пользовалось спросом, не нуждаясь в дополнительной рекламе, но Олеся самой приятно было смотреть и на роскошное издание «Муми-троллей», и на «Волшебника Изумрудного города» с любимыми с детства иллюстрациями Владимирского, и на серию про маленьких веселых человечков-джингликов в их волшебной стране, где нет предательства и боли. Все яркое, пестрое, блестящее, только взглянешь — и само улыбается.

— Здрасьте, Олеся Игоревна! — Вадик старательно пошаркал ботинками по коврикам при входе: и по первому, резиновому, и по второму, мягкому, тряпочному, чтоб уж точно никакая грязь внутрь не проникала. Она, конечно, все равно проникала, но могло быть гораздо хуже.

— Здравствуй, Вадик, — ласково улыбнулась Олеся. Этот мальчик приходил часто, читал много, книг не задерживал, как было его не любить? — У меня для тебя сюрприз. Вот, гляди, специально отложила, сегодня привезли, и оформила в первую очередь, знала, что тебе понравится. Тут про доисторического мальчика, ты такое любишь.

Конечно, интерес Вадика к истории может еще двадцать раз пропасть, мальчишка-то всего в четвертом классе. Но история там или нет, главное — он читатель!